

Н.В. Томан

**Среди погибших не
значатся**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.3
ББК 84-4
Н11

Н.В. Томан
Н11 Среди погибших не значатся / Н.В. Томан – М.: Книга по Требованию, 2014. – 68 с.

ISBN 978-5-458-04251-2

Николай Томан известен читателям по повестям «На прифронтовой станции», «Что происходит в тишине», «Взрыв произойдет сегодня», «Эшелоны идут под откос», «Именем закона», «Сильнее страха» и др., В книгу «Подступы к «Неприступному» вошли три остросюжетные повести, в которых рассказывается о нелегкой, полной постоянной опасности службе советских разведчиков в годы Великой Отечественной войны и в мирное время.

ISBN 978-5-458-04251-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014
© Н.В. Томан, 2014

Николай Тoman.
СРЕДИ ПОГИБШИХ НЕ
ЗНАЧАТСЯ

СТАРШИНА СПЕЦЛАГЕРЯ АЗАРОВ

Подполковник Бурсов с майором Огинским уже третьи сутки томятся в пустом бараке. Им известно, что это карантин и что во второй половине барака находятся младшие офицеры, прибывшие вместе с ними в эшелоне военнопленных. Их привел сюда унтерфельдфебель Кразу. Знают они и то, что в лагере этом одни только советские офицеры инженерных войск.

Их никто еще не допрашивал. Никто из лагерного начальства даже не заглядывал к ним. Лишь три раза в сутки с чисто немецкой пунктуальностью приносил пищу пожилой неразговорчивый унтер-офицер.

Бурсов с Огинским по утрам делают зарядку, завтракают, потом молча лежат на нарах до самого обеда. А после обеда снова на нары.

Говорить не хочется; они вдоволь наговорились дорогой, пока везли их сюда из-под Белгорода. Где они сейчас? Бурсов полагает, что где-то под Кировоградом.

О том, как в плену оказались, они могли лишь догадываться. Подполковнику Бурсову помнилась только огромная тень немецкого танка с черным крестом, окантованным белой краской. А потом пламя перед глазами — и мгновенное падение в бездну...

Был рядом с ним майор Огинский, это он тоже помнит. Видно, оглушило и контузило их одним и тем же снарядом, разорвавшимся неподалеку. И это просто чудо, что осколки пролетели мимо. А может быть, спас их бруствер окопа...

В какой-то мере Бурсов чувствует теперь себя виноватым, что Огинский разделил его участь... Нужно было настоять, чтобы он уехал в штаб инженерных войск армии, как только стало известно, что ночью начнется наступление немцев на белгородском направлении Курской дуги.

А сам он на месте Огинского разве бы уехал в такой обстановке? Да и приказывать офицеру штаба инженерных войск фронта Бурсов не имел ведь никакого права...

Все это медленно, вперемежку со сценами боя вспоминал потом Бурсов, путая хронологию событий...

Наступление немцев на Курской дуге летом сорок третьего года ожидалось давно. Дивизионный инженер Бурсов знал об этом не хуже командира своей дивизии. И как только стало известно, что в ночь на пятое оно наконец начнется, подполковник решил усилить

полковых саперов старшего лейтенанта Сердюка лучшей ротой своего дивизионного саперного батальона. И выехал с нею на передний край лично.

А откуда же взялся майор Огинский?... Ах да! Он ведь специально приехал в дивизию в связи с экспериментом начальника инженерных войск армии.

И зачем понадобился генералу этот эксперимент с обстрелом минного поля всеми видами полковой артиллерии? Разве и без этого не ясно было, что никакой детонация при этом не произойдет? Подполковник Бурсов не раз видел, как рвались на наших минных полях немецкие снаряды. Мины, однако, взрывались лишь при прямых попаданиях. Плотность минирования, правда, никогда не была такой, как под Белгородом, да и площади минных полей превосходили тут все прежние...

И все-таки Бурсов не разделял опасений наших артиллеристов и некоторых военных инженеров. Огинский тоже, кажется, не верил в возможность детонации этих полей при артобстреле. Но он, видимо, хотел убедиться в этом лично, а тут пришло известие о готовящемся наступлении немцев.

...Они работали всю ночь. Продолжали ставить мины и утром, когда вражеские танки уже пошли в атаку. Никогда еще не видел Бурсов, чтобы немцы вводили в бой такое количество техники. Против каждых наших десяти танков действовало по тридцать — сорок немецких. И среди них такие новинки военной техники, как «пантеры», «тигры» и самоходные орудия «фердинанд». Разве не понимали и Бурсов и Огинский, что без саперов нашим танкам будет очень туго?

Немцы хотя и прорвали после ряда упорных атак оборону дивизии, но саперы Бурсова вывели из строя много немецких танков и даже «тигра», на броню которого немцы возлагали такие большие надежды. Подполковник сам видел, как сержант Киреев подбросил мину буквально под самые гусеницы этой стальной махины.

Немецких танков было, однако, слишком много. Несмотря на потери, они рвались вперед, преодолевая минные поля. Несли потери и саперы. На глазах дивизионного инженера погиб командир саперной роты. Командование саперами Бурсов взял на себя и отдал приказ об отходе в глубину полковой обороны лишь после того, как в резерве не осталось ни одной мины, а у саперов вышли все патроны.

Нужно было уходить и самому, и он стал искать Огинского. Майор находился в той же траншее, лишь несколько левее подпол-

ковника. Бурсов крикнул ему, но в грохоте боя Огинский не услышал его. И тогда подполковник поспешно бросился к нему, чтобы успеть вырваться из полукольца окружавших их автоматчиков. А когда он был уже рядом с майором, почти на самом бруствере разорвался снаряд. Он не услышал взрыва, только пламя резануло по глазам, а воздушная волна со страшной силой вдавила его в земляную стенку траншеи...

На четвертые сутки, сразу же после завтрака, к ним пришел молодой человек в форме офицера советских инженерных войск.

— Разрешите представиться, товарищ подполковник, — обращается он к Бурсову, — лейтенант Азаров. Взят в плен в мае сорок второго под Харьковом. Командовал взводом саперного батальона стрелковой дивизии пятьдесят седьмой армии. Теперь исполняю обязанности старшины местного лагеря, хотя среди советских военнопленных я самый младший по званию.

— С чего же это так вдруг возвысились? — равнодушно спрашивает его Бурсов.

— Произвел неотразимое впечатление на господина коменданта, — не улыбаясь, серьезно отвечает Азаров.

— Надеюсь, вы понимаете, лейтенант, что нам не до шуток, — хмурится Бурсов.

— А я и не шучу вовсе. Потом как-нибудь расскажу, при каких обстоятельствах это произошло. А сейчас имею задание коменданта лагеря ввести вас в курс дела.

По всему чувствуется, что Азаров веселый, может быть, даже озорной человек, хотя изо всех сил старается быть серьезным и официальным. Вынув из кармана пачку немецких сигарет, лейтенант предлагает их подполковнику и майору. Хотя им очень хочется курить, они отказываются от угощения.

— Вам, конечно, интересно знать, что тут за лагерь, — продолжает лейтенант, пряча сигареты в карман. — Это не обычный стационарный шталаг, каких сотни на оккупированной территории. Чем же он отличается от других? Ну, тем хотя бы, что здесь одни саперы, и к тому же — только офицерский состав. Занимаемся мы тут своим обычным саперным делом — минированием. Да, минированием! Минируем танкоопасные участки местности с учебной целью. — Заметив ироническую усмешку в глазах своих слушателей, лейтенант Азаров повторяет, расчлняя слова: — Да, да, именно с учебной целью! Учим немецких саперов преодолевать наши минные поля.

— Немецких саперов?! — не выдержав роли беспристрастного слушателя, восклицает Бурсов.

— Я-то лично этого не делаю. У меня скромная роль лагерного старшины, а остальные учат их. Почему?... На это нелегко ответить. Это вы со временем сами узнаете.

— Что же они, духом, что ли, пали?

— Не все, но кое-кто приуныл, конечно. Плен, сами понимаете, не санаторий.

— И у них даже мысли о побеге не возникает?

— Тех, у которых такие мысли возникали, выводили перед строем на апельплац и расстреливали. Повторяю — за одни только мысли об этом.

— И у всех были только мысли?

— Ну зачем же только мысли? Кое-кто пытался, и бежать. Тогда расстреливали не только его, но и каждого третьего из выстроенных на апельплацу.

Бурсову хочется спросить: «А вот вы лично пытались ли?» — но он лишь вздыхает и отворачивается к окну,

— Вы, наверное, спросите, — раздумчиво, будто размышляя вслух, продолжает Азаров, — а где же ваша офицерская честь, где советская совесть? Но для того чтобы нас осуждать, нужно прежде побывать в нашей школе... А такая возможность вам скоро представится.

Азаров, сидевший до этого на нарах против Бурсова, вдруг быстро встал и направился к выходу. Прикрыв за собой дверь и постояв немного возле барака, он возвратился и сел на прежнее место.

— И вот что еще не мешает вам знать, — продолжает он, не объясняя причины своего беспокойства. — Комендант этого спецлагеря, капитан Фогт, не общевойсковой офицер, а эсэсовский гауптштурмфюрер. И его помощник, унтер-фельдфебель Крауз, тоже фашист, шарфюрер. Это они специально для нас общевойсковую форму надели и заменили свои эсэсовские звания армейскими.

И снова пауза. Но на этот раз Азаров не выходит из барака. Прильнув к зарешеченному окну, он внимательно всматривается во что-то. Обернувшись, продолжает:

— И ведут они себя помягче, чем другие эсэсовцы. Фогт, конечно, хорошо понимает, что добром от нас большего можно добиться, чем жестокостью. Крауз же и не пытается притворяться добреньким. Он-то настоящий зверь, его лишь Фогт сдерживает. А в остальном тут у нас, как и во всех шталагах: и «кугель» — приказ о немедленном расстреле за попытку к бегству, и «зондербехандлунг», то есть «особое обращение» с некоторыми из нас, означающее уничто-

жение.

— Да, и еще вот что имейте в виду,— помолчав, добавляет Азаров. — Охрану нашего лагеря несут эсэсовцы, а проволочное ограждение вокруг лагеря под электрическим током высокого напряжения.

— Это вы на тот случай, если мы вздумаем бежать? — усмехается Бурсов.

— Нет, так просто, на всякий случай.

Азаров хочет сказать им еще что-то, но прежде снова подходит к окну и лишь после этого шепотом сообщает:

— На вас у них особая надежда. Со слов прибывшего вместе с вами старшего лейтенанта Сердюка им известно, что вы крупные специалисты по взрывному делу, что вели какие-то эксперименты по детонации минных полей. Это их сейчас особенно интересует. Пожале, что они предложат вам продолжить тут эти эксперименты. Ну, вот пока и все. И считайте, что такого разговора между нами не было.

Он прикладывает руку к пилотке и поспешно уходит, а Бурсов с Огинским долго молча лежат на нарах, осмысливая сказанное Азаровым.

— А знаете, — произносит наконец Бурсов, резко повернувшись к Огинскому, — чем-то этот лейтенант мне понравился.

— А мне не очень. Хотя, в общем-то, все рассказанное им выглядит вполне правдоподобным. Немцы действительно используют советских саперов для различных военно-инженерных работ и даже для разминирования наших минных полей.

— Вы на меня не обижайтесь, Евгений Александрович, — кладет Бурсов руку на плечо Огинского, — но вы, по-моему, не очень разбираетесь в людях. Вот старший лейтенант Сердюк, например, вам понравился, а он уже все о вас немцам выложил, да еще, пожалуй, и присочинил кое-что...

Потом он слезает с нар и долго ходит по бараку, раздумывая над словами Азарова.

Ему не кажется странной откровенность лейтенанта. Подозревать в них предателей Азаров ведь не мог — их и самих предал Сердюк, сообщив коменданту спецлагеря Фогту об эксперименте обстрела минных полей артиллерийским огнем. Но почему капитан Фогт заинтересовался этим? Неужели и немцы считают возможным взрывать саперные минные поля артиллерийским обстрелом?

Конечно, для них такая возможность необычайно заманчива. В одном только корпусе, в который входила дивизия Бурсова, установ-

лено около тридцати пяти тысяч противотанковых мин да свыше сорока пяти тысяч противопехотных. Они надежно прикрывали подступы к переднему краю корпусной обороны. Мало разве подорвалось на них немецкой техники?

Ну, а если бы артолетом можно было вызвать детонацию минных взрывателей? В одно мгновение любые минные поля полетели бы тогда к черту!

Бурсов знает по опыту, что при артобстреле мины взрываются лишь при прямых попаданиях. Но детонация взрывчатых веществ изучена очень слабо. Слишком уж много в ней неясного. Огинский, конечно, лучше его разбирается в этом — он специалист по теории взрыва, автор многих статей по вопросам детонации взрывчатых веществ.

— А не кажется ли вам, Евгений Александрович, что немцы тоже собираются проводить или, может быть, уже проводят обстрел минных полей артогнем?

Огинского не удивляет вопрос Бурсова. Он и сам думает об этом.

— Вполне возможно, Иван Васильевич. Преодоление наших минных заграждений им слишком дорого стоит. Не думаю только, чтоб немцам удалось добиться какого-нибудь успеха. Современной науке слишком плохо известны химические процессы, происходящие при детонации конденсированных взрывчатых веществ. Мы лишь предполагаем, что атомы в их молекулах занимают малоустойчивое положение. Нечто вроде равновесия карандаша, поставленного на стол незаточенным концом.

Беспокоит Бурсова и старший лейтенант Сердюк. Он хоть и был неплохим полковым инженером, но никогда не отличался храбростью. Неужели же теперь действительно окажется еще и предателем?

ПРЕДЛОЖЕНИЕ КАПИТАНА ФОГТА

Проходит целая неделя, а Бурсова с Огинским по-прежнему навещает только лагерный старшина Азаров.

Явившись к ним в следующий раз, он сообщил то, о чем забыл рассказать накануне — о порядках в спецлагере капитана Фогта. А порядки тут такие: в шесть утра подъем, затем перекличка и зарядка. Есть даже строевые занятия, которые проводит лично Фогт. И никакой политики. Зато спецделу, главным образом минированию и разминированию, отводится почти весь день.

Неожиданным оказывается также и то, что в этом лагере все обращаются друг к другу по званиям. Исключение составляет лишь лейтенант Азаров, которого называют просто старшиной.

— Фогт говорит нам, — усмехаясь, поясняет Азаров, — «Я хочу, чтобы русский офицер был тут, как в своя родная воинская часть». Устроил даже гауптвахту, на которую приказывает сажать тех, кто, по его мнению, недостаточно уважительно относится к старшим по званию.

— И вы разыгрываете перед ним эту оперетку?

— Тех, кто не хотел ее разыгрывать, Фогт отправил в лагерь смерти. Ну, а те, кто остался, вынуждены притворяться, что им все это даже нравится.

— А сколько же вас тут всего? — спрашивает Бурсов.

— Немного, ровно тридцать. Больше не была еще ни разу. Да и меньше почти не бывает. Трое подорвались на минных полях несколько дней назад, но теперь вместе с вами снова будет тридцать. И учтите, товарищ подполковник, вы будете тут самым старшим по званию. Остальные в званиях от старшего лейтенанта до майора. А из лейтенантов тоже только один я.

— Это что — случайность?

— Так захотелось почему-то господину Фогту. Он даже сказал мне как-то: «Вы очень нравитесь мне, лейтенант, и я мог бы произвести вас в генерал-лейтенант. Был бы вы тогда в такой же чин, как и ваш знаменитый военный ученый Карбышев, который тоже есть у нас в плену. Но я не хочу делать это, потому что вы можете тогда стать таким же строптивцем, как и этот ваш Карбышев».

— Дмитрий Михайлович Карбышев, значит, у них в плену? Что слышно о нем? — беспокоится Огинский.

— Здоров ли, не знаю, но, судя по всему, не сломлен. Фогт про-

говорился нам как-то, что Дмитрий Михайлович доставляет какому-то очень крупному немецкому начальству много неприятностей. А сломить его и заставить служить Германии чуть ли не сам Гитлер повелел.

— И вы, зная это, гнете тут шеи перед этим самодуром! — возмущается Бурсов.

— Ну, это вы потом узнаете, как мы здесь шеи гнем, — зло говорит Азаров и торопливо уходит не попрощавшись.

А на другой день появился как ни в чем не бывало, по-прежнему приветливый и очень бодрый.

— Фогт, оказывается, психологический эксперимент над вами осуществлял, — весело сообщает он. — Хотел подольше поддержать в одиночестве и без дела, чтобы потом вас жажда деятельности обуяла. Я случайно слышал, как он об этом Краузу сообщал. Но его торопит старшее начальство, которому он поспешил, наверно, доложить о ваших опытах по искусственной детонации минных полей. Сокрушался утром, что придется прервать свой «психологический эксперимент». В общем, если не сегодня, то завтра непременно к вам пожалует.

Фогт действительно «жалует» к ним на следующий день рано утром.

— Здравия желаю, господа! — бодро восклицает он. — Не заскучались вы тут без работа? О, я знайт, таким энергичным людям, какими есть вы, это нелегко. Да, да! Я это хорошо понимаю! Но есть идея — снова поработать. Поэкспериментировать! А? Как вы на это посматриваете?

Он молодецвато прохаживается вдоль нар, терпеливо ожидая ответа советских офицеров. Но они молчат.

— Я понимаю, — снова произносит он, — у вас нет пока ясность по этот вопрос. Будем тогда немножко его прояснивать. Что я имейт в виду под эксперимент? Так, да? Очен корошо! Не будем играйт в мурки-жмурки, все должен быть начистота. Так, да? Я тоже за такой условий. Итак, что есть предлагаемый вам эксперимент? Он есть корошо вам известный обстрел минный поля. То, что вы уже делал там у себя под Белгород. Вам ясен мой мысль?

Видимо давая советским офицерам возможность хорошо вникнуть в смысл его слов, капитан Фогт некоторое время молча дефилирует перед ними почти строевым шагом.

— Ну, так как? — резко останавливается он перед подполковником Бурсовым.

Советские офицеры по-прежнему угрюмо молчат.